

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.1.13

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ РЕГУЛЯТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Рецензия на книгу Е. Долговой
«Рождение советской науки:
учёные в 1920–1930-е гг.»¹

Егерев Сергей Викторович¹

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

¹ Долгова Е. Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 469 с. ISBN: 978-5-7281-2874-8.

АННОТАЦИЯ

Книга Евгении Долговой вызвала большой интерес широкой научной общественности. Задача книги состоит в поиске ответов на важные вопросы: какова динамика состояния научного сообщества; каковы новые социальные группы, вошедшие в научное сообщество; велика ли была роль идеологического фактора и значение партбилета для научной карьеры; как изменились публичная роль учёного и социальный запрос к этой профессии в исследуемом периоде и в целом – какое положение заняла наука в советском обществе.

В рецензии отмечается важность монографии как неординарной и успешной попытки создать многомерный социальный портрет научного сообщества СССР на фоне бурной эпохи 1920–1930-х гг. Автором собран уникальный исторический материал о научных работниках тех лет. Книга адресована всем интересующимся историей науки, историей России советского периода, социальной историей – прежде всего научного сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

структура научного сообщества, ЦЕКУБУ, партийность науки, эффективность прямого государственного регулирования, публичная роль учёного

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Егерев С. В. Злоключения регулятивного потенциала. Рецензия на книгу Е. Долговой «Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг.» // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 1. С. 250–256.

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.1.13

Послереволюционные годы были значимым для истории советской науки периодом. Государство осуществляло крупные инвестиции в науку, увеличивало число научных работников, привлекало молодые кадры. Создавались новые НИИ и вузы, формировались новые исследовательские направления. «Внешние», в том числе институциональные, аспекты этого этапа развития отечественной науки хорошо изучены. Однако аспект научного кадрового потенциала первых 20 лет советской власти впервые раскрыт настолько подробно, по-видимому, именно в работе Евгении Долговой.

Фундаментальный труд Евгении Долговой – неординарная попытка создать многомерный социальный портрет научного сообщества СССР на фоне бурной эпохи 1920–1930-х гг. Из книги мы узнаем немало и о структуре

советского общества в целом, потому что научное сообщество развивалось не в вакууме.

Автором собран уникальный исторический материал о научных работах тех лет. Введены в научный оборот источники, которые ранее нечасто привлекали внимание исследователей, – обширная статистическая документация и массовые исторические свидетельства. На материале книги автор ищет ответ на важнейший вопрос о потенциальных возможностях государственного регулирования такого специфического института, как наука. В какой степени государство могло в те годы влиять на направления научных исследований, на научную продукцию и характеристику научных кадров? Автор задаётся и другими вопросами. Так, осмысление природы типичного научного работника приводит его к выводам, выходящим за пределы первых 20 лет советской власти.

Книга включает пять глав: (а) методические подходы к описанию научного сообщества в первые 20 лет советской власти; (б) социально-демографическая структура сообщества; (в) социально-экономическая политика в 1920–1930-х гг.; (г) институциональный кейс на примере Института красной профессуры, и, наконец, (д) публичная роль учёного в советском обществе того периода.

Интересен анализ структуры научного сообщества и его взаимодействия с властью. Книга отличается от аналогичных исследований, посвящённых статусным позициям советской научной интеллигенции. В этих работах в фокусе интереса – тотальная зависимость интеллигенции от государства и партии. Автор книги обращает внимание не только на противостояние, но и на сотрудничество с властью. Стали реальностью экспроприация труда учёных и одновременно – покровительственный характер госполитики в отношении учёных. В практику вошли выступления партийных деятелей, посвящённые подготовке и перевоспитанию научных работников. На первый план выдвинулись их политическая преданность и лояльность.

Количественный анализ научного сообщества даётся в динамике. Действительно, после революции интеллигенция была одним из самых динамичных слоев – одни пополняли правящую элиту, другие становились маргиналами. Характерен послереволюционный бурный рост числа научных учреждений и числа научных работников. К 1928 году число зарегистрированных научных работников увеличилось вдвое по сравнению с дореволюционным корпусом, а в начале 1930-х гг. их число приблизилось к 25 тысячам человек при общем числе научных учреждений – 4 тысячи.

В главе, посвящённой социально-демографической структуре научного сообщества 1918–1934 гг., автор отмечает, что исследуемый период отвечает «анархическому состоянию» научного сообщества, когда отсутствовали степени и звания. Однако при всей тогдашней анархии для этого периода имеется возможность последовательно рассмотреть дисциплинарное и территориальное распределение научных работников. Получены также уникальные данные по национальному составу сообщества в связи с их полом, годом окончания вуза, партийностью и квалификацией. Существенное изменение национального состава по сравнению с дореволюционным периодом произо-

шло за счёт новых групп, получивших доступ к образованию. Однако этнический поток не был единственным т. н. «компенсаторным» потоком. Более явным был приход в науку и высшее образование женщин. Женщины получили доступ в клуб, ранее для них закрытый. Во второй половине 1920-х гг. присутствие женщин в науке уже было заметно, в особенности в естественных и медицинских науках.

В целом, установка на рекрутирование в науку групп низкого социального происхождения за счёт создания специальных «социальных лифтов» привела к появлению в научном сообществе обособленных групп и росту межгрупповой напряжённости.

Анализируя научное сообщество в контексте государственной социально-экономической политики, автор принимает за исходную точку начало 1920-х гг., когда голод и прочие невзгоды не только затруднили научную работу, но и поставили сообщество на грань выживания. В силу бедственного положения учёных в 1921 г. их выделили в особую категорию под патронажем ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта учёных при СНК РСФСР), которая действовала с 1921 по 1932 г. по типу профсоюзной организации. Получила распространение практика личного патронажа тому или иному учёному со стороны представителей власти. Для получения покровительства важны были связи учёного, а также его дореволюционный научный статус. Остро стояла и жилищная проблема. Формально учёные получили право на дополнительную комнату для научных занятий. Однако сложилась и противоположная тенденция, например, имел место так называемый «натиск Швондеров на профессорскую жилплощадь». Вместо дополнительной комнаты научным работникам часто предоставлялись лишь дополнительные квадратные метры. Однако, в целом, научное сообщество представляло статусную привилегированную профессиональную группу, относительно защищённую в социально-экономическом отношении.

Автор считает проблему дифференциации научного сообщества в 1920–1930-х гг. одним из самых интересных сюжетов в истории отечественной науки. Несмотря на отмену степеней и званий, советская наука функционировала как саморегулирующаяся иерархическая система. Вместо дифференциации по степеням и званиям существовала дифференциация по пайкам и разрядам.

Государственное регулирование науки имело также целью повышение партийности кадров. Но удалось ли достичь этой цели? В АН СССР в 1932 г. рабоче-крестьянская прослойка составляла 21,1%, а партийно-комсомольская – 12%. И это при том, что в возрастном разрезе Академия наук представляла очевидную молодёжную среду. Данные по Комакадемии ЦИК СССР дают несколько бóльшую долю коммунистов. Их в общественных науках было значительное количество, в естественных науках доля не превышала 10–20%. В целом, автор показывает, что статистика начала 1930-х гг. иллюстрировала низкий уровень обеспеченности науки надёжными в социальном отношении рабоче-крестьянскими и партийными кадрами. Также статистика дала отрицательный ответ на вопрос о взаимосвязи партийности и карьерных возможностей. Оказалось, что для научной карьеры членство в партии

так и не стало необходимым. Важнее были связи, известность, признание. До конца 1930-х гг. в науке было мало выходцев из крестьян и пролетариев. Хотя в данном периоде и возник властный запрос на «партийность» учёных, научное сообщество не торопилось на него откликаться. Удельный вес коммунистов был крайне низок даже в группе молодых учёных и аспирантов. К огорчению кураторов, и в этом аспекте также «имело место столкновение регулятивного потенциала управления наукой и повседневных практик его реализации» (удачная формулировка автора книги).

Пример ограниченности государственного управления показывает и институциональный кейс на примере Института красной профессуры (ИКП), существовавшего с 1921 по 1938 годы. ИКП стал одним из важных государственных проектов подготовки «новых» преподавательских и научных кадров. ИКП оказался в исключительном положении: это отразилось в его финансовом и инфраструктурном обеспечении, в предоставлении льгот. Однако институту не удалось стать ангажированной идеологической структурой, это был лишь один из похожих вузов. Преподавание держалось на сотрудниках с дореволюционными знаниями. Автор отмечает низкий коэффициент полезного действия ИКП: из-за плохой организации процесса до выпуска доходила 1/3 зачисленных. В итоге, проблемы, накопившиеся у ИКП, оказались настолько серьёзными, что в 1938 г. он был закрыт.

Важная глава посвящена публичной роли учёного в советском обществе. Образ учёных как привилегированной группы успешно конструировался на страницах популярной периодики, художественной литературы, в кинематографе. Очень интересен анализ образа советского учёного в кинематографе. Автор изучил большое число советских фильмов об учёных. В их числе малоизвестные, в том числе немые фильмы. Можно сделать вывод о том, что основные «киноштампы», которые в ходу и по сей день, были заложены в самом начале советской истории. Эволюция репрезентации взаимоотношения государства и учёного зависела от приоритетов государственной политики, однако и по сей день патристически настроенный, недоверчивый к иностранцам, жертвенный и послушный учёный выводится в фильмах в качестве положительного героя.

Исследуя практики популяризации научного труда, автор отмечает, что в 1920–1930-х гг. наука стала частью государственного престижа, работа учёного приобрела публичный характер. В 1920-е годы советские учёные взаимодействовали с зарубежными коллегами, участвовали в международных научных конгрессах. Тридцатые годы, однако, дали иную картину. Вошёл в практику изоляционизм, учёные в массе своей утрачивали языковые навыки и во всяком случае оказались не готовы к тому, что английский язык стал вытеснять немецкий в качестве международного языка научного общения. Однако, в целом, этот период отмечен успехом ряда просветительских инициатив. Здесь счастливо сложились государственная политика, общественная инициатива и социальный запрос.

Такое счастливое сочетание скорее было редкостью. Собранный автором статистика, приведённые примеры дают возможность сделать вывод о несостоятельности представлений об эффективности прямого административного

управления наукой. В этих примерах государственному регулятивному потенциалу управления наукой противостояли механизмы самоорганизации и саморазвития науки.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022. Принята к публикации 08.02.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Егерев Сергей Викторович *segerev@gmail.com*

Доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 346

ORCID ID: 0000-0001-6998-1060

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.1.13

THE MISADVENTURES OF A REGULATORY POTENTIAL

Review of the Book by Eugenia Dolgova “Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920– 1930-e gg.” [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s]²

Sergey V. Egerev¹

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Eugenia Dolgova’s book aroused great interest of the scientific community in general.

The goal of the book is to find answers to important questions: what is the dynamics of the state of the scientific community; what are the new social groups that entered the scientific community; was the role of the ideological factor and the importance of the party card for a scientific career great enough; how did the public role of a scientist and the social demand for this profession change in the period under study; and, in general, what position did science occupy in Soviet society?

The review underlines the importance of the monograph as an extraordinary and successful attempt to create a multidimensional social portrait of the scientific community of the USSR against the background of the turbulent era of the 1920s - 1930s. The author has collected a unique historical material about the scientific workers of those years. The book is addressed

² *Dolgova E.* (2020). *Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s]. Moscow: RSUH Publishers. 469 p. ISBN 978-5-7281-2874-8.

to everyone interested in the history of science, the history of Russia of the Soviet period, social history - first of all, the history of the scientific community.

Keywords: the structure of the scientific community, the party spirit of science, the effectiveness of direct state regulation, the public role of a scientist

For citation: Egerev, S. V. (2022). The misadventures of a regulatory potential. Review of the book by Eugenia Dolgova “Rozhdenie sovetskoi nauki: uchenye v 1920-1930-e gg.” [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s-1930s]. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 4, no. 1. P. 250–256.

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.1.13

The article was submitted on 25.01.2022. Accepted for publication 08.02.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egerev Sergey *segerev@gmail.com*

Doctor of Sciences Physics and Mathematics, Chief Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russia

AuthorID RSCI: 346

ORCID ID: 0000-0001-6998-1060